

• СОДЕРЖАНИЕ •

Елена Логунова

ЗОЛОТАЯ КАТРИН

7

Татьяна Устинова

КУРТКА ИЗ ПРОКЛЯТИЙ

63

Альбина Нури

ПЕРСТЕНЬ ПОКОЙНИЦЫ

68

Ольга Баскова

БЕСПОКОЙНЫЙ ОТПУСК

100

Наталия Антонова

КЛУБНИЧНАЯ КОРЗИНА

133

Евгения Михайлова

МОРСКОЙ КОЗЕЛ

234

Ольга Володарская

У САМОВАРА

274

ЕЛЕНА ЛОГУНОВА

• ЗОЛОТАЯ КАТРИН •

Только ты могла так хорошо устроиться! — завистливо вздохнула Трошкина, обласкав взглядом белоснежную громаду лайнера с красивым названием «Аркадия». — Взять отпуск на одной работе, чтобы попробоваться на другую, причем испытательный срок пройти не где-нибудь, а в кризисе!

Я не успела ей ответить, потому что заговорил Денис:

— Может, все-таки откажешься, Ин? Не нравится мне все это.

Я опять не успела ответить, потому что вскипела Трошкина:

— С ума сошел, Кулебякин?! Отказаться от бесплатного путешествия в Италию и Грецию — ради чего? Чтобы три недели сидеть в нашей пыльной провинции?! И когда —

сейчас, когда в Европу особо не выберешься, вся доступная нам заграница — Абхазия и Турция?! Даже непонятно, каким чудом Мамаев запустил этот свой круиз.

— Чего тут непонятного? — пожал плечами, встряхнув сидящего на них сынишку, брат мой Зяма. — Деньги по-прежнему решают если не все, то очень многое, а их у Мамаева полно. Владелец заводов, газет, а теперь еще и пароходов...

Все снова посмотрели на лайнер. У входа на трап приплясывали на ветру разноцветные воздушные шарики, привязанные к декоративной арке, по обе стороны от нее расположились музыканты духового оркестра. Они играли «Прощание славянки», щедро разбрасывая солнечные зайчики сияющими золотыми трубами.

— Пора, — сказала я, определенно чувствуя: прощанье затянулось.

Можно подумать, я не в круиз по теплым морям отправляюсь, а в суровый дальний поход.

— Я помогу с багажом. — Денис нагнулся к чемодану.

— Я тоже! Аллочка, поддержи. — Зяма передал ребенка жене и тоже потянулся за моим багажом.

— Ой, да не надо мне так кланяться, можно просто поздороваться! — засмеялся проходивший мимо пижон в белых шортах и полосатом поло, с бежевым джемпером на плечах. — Привет, Малевич! Ты тоже в плаванье?

Зяма, который по паспорту Казимир, а потому в кругу друзей-художников неизбежно Малевич, разогнулся и поморщился:

— Привет, Баклан.

И, вспомнив о привитых мамой хороших манерах, представил нам своего знакомого:

— Знакомьтесь, Антон Бакланов, фотограф.

— Фотохудожник-портретист! — поправил его тот.

Он был еще молод, но уже лыс, как колесо, и по количеству производимых его загорелой глянцевагой головой солнечных зайцев мог поспорить с тромбоном неутомимого оркестра.

— Как же, как же, наслышан. — Зямина улыбка сделалась откровенно кислой. — Мамаев заказал тебе фотопортрет своей красавицы жены. Говорят, за баснословный гонорар?

— Достойный моего таланта, — а вот теперь Бакланов улыбался радостно.

— Но что-то ты никак с этим заказом не справишься, да, Антош? — Наверное, братец хотел спросить это сочувственно, но получилось злорадно. — Два месяца уже трудишься, и не выходит каменный цветок?

— Так ведь шедевры — не кролики, быстро не родятся, — отшутился фотограф. — Опять же в наших родных широтах колорита мало, а вот Италия и Греция — совсем другое дело, уж там-то я развернусь.

— А еще говорят — не продается вдохновенье, — опять съязвил Зяма.

Но Бакланов его уже не услышал —किनулся с руганью к парнишке, нагруженному кофрами с аппаратурой. Тот как раз уронил одну из сумок, и та пугающе загремела.

— Везет же дуракам. — Братец покачал головой — кудрявой, не как у фотохудожника-портретиста. — Такой заказ оторвал оборот! Мамаев ему мало того что огромный гонорар посулил, так еще и на новую аппаратуру раскошелился и в круиз везет на всем готовом, лишь бы только Баклан вдохновился как нужно.

— А покажите мне этого Мамаева, — попросил Денис, озираясь.

— Какой-то тон у тебя нехороший, — отметила чуткая Трошкина. — Как в «Ревизо-

ре»: «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!» Ты что-то имеешь против уважаемого владельца заводов, газет, пароходов?

— Да подозрителен он мне, всеобщий благодетель, — признался мой милый. — Ба-кланову этому золотые горы посулил, Инке нашей тоже наобещал с три короба...

— Усовестись, Кулебякин! — не выдержала я. — Какие еще три короба? Приличную оплату за непростую, между прочим, работу!

— Вот-вот! — развернулся ко мне любимый, играя желваками на щеках. — Что это за работа такая — дневной секретарь? Поди, есть еще и ночной? Пройдешь испытательный срок — получишь соответствующее повышение?

— Фу, как некрасиво! — втиснулась между нами Трошкина. Строгая и справедливая, как Богоматерь с младенцем. — Майор Кулебякин, что за пошлая ревность?

— Да, есть и ночной секретарь! Его Васей зовут, — сообщила я раздувающему ноздри Денису поверх плеча невысокой Трошкиной. — Уж не знаю, зачем он Мамаеву нужен, видимо, некоторые люди работают днем и ночью!

— Ясен пень, миллиардерами лежа на боку не становятся, — поддакнул Зяма. — Вот,

кстати, и сам Мамаев подъехал. Гляди, Дэн, ты же хотел на него посмотреть!

На причал выехал сияющий дорогой автомобиль и подкатил почти к самому трапу. Водитель выскочил, открыл двери пассажирам. Джентльмен выбрался сам, а дама дождалась, пока ей подадут ручку.

— Это и есть Мамаев? — В голосе Дениса слышалось облегчение. — Да он же старикашка.

— Аркадию Кирилловичу шестьдесят два, — нарочито безэмоционально подсказала я.

— На кузнечика похож! — развеселился Кулебякин. — На сверчка, точнее. Серенький такой, в этих своих штанишках, как подстреленный!

— Это, брат, не штанишки и не серенькие, — поправил Зяма, жадно рассматривая наряд миллиардера. — А настоящий богемный яхт-шик. Стильный брючный костюм песочного цвета, идеально для мероприятия формата Cocktail Attire, вот только шейный платок тут, по-моему, лишний...

— Платочек отстойный, — радостно согласился Денис. — Такие реально только старикашки носят. — Он повернулся ко мне: — Ладно, Инка, иди уже. Не заставляй дедусю ждать.

Мамаев уже поднялся до середины трапа и, развернувшись к лайнеру спиной, снисходительно махал ручкой публике на причале и в колоннаде Морвокзала. Жена его, блондинка в белоснежном костюме, дожидалась возможности взойти на борт, нетерпеливо похлопывая по перилам ручкой с бриллиантом на пальце и притопывая по ступеньке ножкой в лаковом лофере. От этих ее телодвижений количество солнечных зайчиков на причале умножилось в разы.

— Дедуся меня не ждет, — сухо ответила я Денису. — Приступаю к работе только завтра в девять утра.

— И все же не будем задерживаться, я хочу еще рассмотреть интерьеры. — Зяма наконец подхватил мой чемодан и заспешил к трапу.

Мамаев и его супруга уже взошли на борт. Поднявшись, мы не увидели их на палубе, но там и без того было на что посмотреть. Неизбежная при посадке толчея мешала полюбоваться лайнером спокойно, в режиме неспешной прогулки, но даже марш-бросок до отведенной мне каюты позволил убедиться: «Аркадия» — шикарное судно.

— Позолота, венецианская мозаика, но при этом много воздуха, — бормотал, озираясь на ходу, братец — известный дизайнер

по интерьерам. — В коридорах репродукции Климта, в каютах... да открывай уже... ага, у тебя Шиле. Экспрессионизм, значит, уважает наш дедуся. Редкий случай — есть и деньги, и вкус!

— Идем. — Алка потянула мужа за руку. — Оставим Инку и Дениса, пусть попрощаются.

Мы с Кулебякиным остались вдвоем.

Я плюхнулась на кровать, занимающую большую часть одноместной каюты, и хлопала ладонью рядом с собой, но Денис не стал присаживаться. Он опустил на корточках и, глядя мне в глаза, настойчиво попросил:

— Пожалуйста, будь внимательна и осторожна. У меня дурное предчувствие...

— С чего это? Не на «Титанике» плыву. — Я попыталась отшутиться.

— Не знаю. Должно быть, интуиция матерого опера, — не улыбнулся майор Кулебякин.

— Не нагнетай, — попросила я.

А надо было прислушаться.

Интуиция матерого опера — вещь посильнее «Фауста» Гёте!

Через несколько дней после отплытия жизнь на лайнере вошла в свою колею. То есть праздные путешественники, конечно,

каждый день предавались все новым удовольствиям, а вот у меня потянулась рутина. На берег я не сходила, так как должна была находиться рядом с боссом, а тот редко покидал свои покои.

У Мамаева апартаменты были не чета моей скромной каютке: гостиная, спальня, столовая, кабинет и еще библиотека, подсобные помещения вроде туалета-ванной-гардеробной вообще не в счет. У него даже собственный бассейн на персональной палубе имелся, массажный кабинет, сауна, две бани — инфракрасная и турецкая, а также тренажеры. Зачем, в самом деле, выходить из такого жилища? А видами портовых городов, в которые заходила «Аркадия», ее тезка и владелец любовался с террасы и через панорамные окна своих апартаментов.

Я, конечно, немного досадовала, что лишена возможности посещать достопримечательности в городах по маршруту круиза, но утешала себя тем, что, в отличие от прочих пассажиров, в путешествии не трачу денюжки, а зарабатываю их. И не сказать, что в поте лица!

Как оказалось, главной моей задачей было следить за расписанием Аркадия Кирилловича и фиксировать его выполнение (или ред-

кие отклонения от него) в специальном журнале. День босса даже в круизе был расписан поминутно, и Мамаев практически никогда не оставался один. И днем, и ночью поблизости — необязательно в том же помещении, но не дальше, чем за стеночкой, — находился секретарь.

Не знаю, чем по ночам занимался на посту мой сменщик Вася, а я работала с документами, разбирала почту, писала письма... Если честно, работы было не так уж много, и порой я откровенно скучала.

От нечего делать рассматривала интерьеры, о чем меня особо просил Зяма, у которого не было возможности лично попасть в апартаменты Мамаева. Недолго думая, я просто фотографировала те помещения, к которым имела доступ, камерой своего смартфона и отправляла снимки братцу.

Если у него возникали вопросы, он мне звонил или писал и уточнял, как вот сейчас:

— А это что за блямба на стене, не понял?

— Сама еще не поняла, если честно, — призналась я, понизив голос, чтобы не услышал босс в своей спальне.

Дежурный дневной созвон с родными и близкими производился вскоре после обе-

да, когда у Аркадия Кирилловича по расписанию был тихий час. Сиеста, как принято говорить в тех странах, вдоль прекрасных берегов которых мы плыли.

— Но это не блямба. Какие-то доски.

Я встала из-за стола и подошла к стене, на которой помещался предмет разговора.

— Даже не знаю... Оригинальное художественное произведение «Деревянный квадрат»?

— Ближе покажи, — потребовал Зяма, и я переключила камеру, направив ее на стену. — Нет, это явно не цельная доска, вижу вертикальную линию стыка посередине... Так, теперь сбоку покажи. О! Я понял!

— Объясни, — потребовала я, устав терзаться любопытством.

Скучный деревянный квадрат на стене не представлялся мне объектом, достойным любования, и было совершенно непонятно, почему Мамаев повесил перед столом в кабинете именно его. В других помещениях стены украшали очень симпатичные акварели.

— Это киот.

— Да ладно?! — не поверила я.

Прекрасно знаю, что такое киот: это шкафчик или застекленная рама для хране-

ния иконы. Само слово происходит от греческого $\kappa\acute{\iota}\beta\omega\tau\acute{o}\varsigma$ — «ящик, ковчег», а назначение предмета — обеспечить максимальную сохранность иконы, защитив ее от непосредственных прикосновений, пыли, влаги, а также перепадов температуры.

— Мамаев не производит впечатление человека религиозного. И потом, разве иконы не в углу вешают? В правом, именуемом красным?

Зяма хихикнул:

— Это в крестьянских избах. В жилищах миллиардеров свои правила. И, думаю, там никакая не икона.

— А что тогда?

— Вот и мне это интересно! Что такое твой босс прячет от чужих глаз? — Голос брата зазвенел азартом. — В столовой открыто висят акварели Тьерри Дюваля и Джозефа Збуквича, явно подлинники, в гостиной — авторские работы Стива Хэнкса, его эмоциональный реализм ни с чем не перепутаешь. Боюсь представить, что хранится в киоте. Ты не слышала, Лувр не ограбили, «Мона Лиза» на месте?

— Да ладно, Мамаев не настолько богат, чтобы владеть мировым шедевром, — возразила я неуверенно.

Киот и на меня произвел впечатление.

— Хочешь, я попробую его открыть? — Во мне вдруг проснулся дух авантюризма.

— Ни в коем случае! Даже не думай! — встревожился Зяма. — Он наверняка под охраной, тронешь неосторожно — включится сигнализация! Тебя арестуют, попрут с этой работы...

Я не успела растрогаться, что братец принимает так близко к сердцу мою судьбу.

— ...и я никогда не узнаю, что там спрятано! — договорил Зяма. — Не трогай его руками. Вообще не выдавай своего интереса. Лучше попытайся неназойливо расспросить босса или просто подсмотреть... Не может быть такого, чтобы он всегда держал киот закрытым? Наверняка периодически уединяется, распахивает створки и эгоистично любит шедевром в полном одиночестве!

— Возможно, — согласилась я. — Давай потом поговорим, мне нужно кое-что проверить.

Я открыла журнал, который вела самым добросовестным образом, и с новым интересом изучила распорядок дня Мамаева.

Мне представлялось, что человек, который так детально планирует свое времяпрепровождение, не мог не включить в распи-

сание момент общения с неизвестным мне (пока) произведением искусства.

Да вот же!

Мой палец застыл на строчке, повторяющейся изо дня в день: «8.45–9.00, просмотр почты»!

В восемь из покоев босса уходит ночной секретарь Василий, оставляя Мамаева наедине с доктором — Аркадий Кириллович очень заботится о своем здоровье и возит с собой личного врача. Но доктор укладывается с дежурным осмотром в четверть часа, это тоже записано в журнале, и в 8.15 является горничная, чтобы сделать уборку. Уходит она ровно через полчаса, а я заступаю на пост в 9.00, значит, на пятнадцать минут босс остается в одиночестве. Причем как раз в кабинете: каждое утро я нахожу его именно там. Но во все не за компьютером! Просмотр почты мы начинаем вместе, и это я всякий раз первой открываю новые письма!

Ах, Мамаев, ах, хитрец!

«8.45–9.00, созерцание таинственного шедевра в киоте» — такой должна быть правильная запись!

Чтобы раскрыть эту тайну, мне всего-то нужно явиться завтра на работу на четверть часа раньше обычного.

Наутро я прибыла к месту свершения своих скромных трудовых подвигов с опережением графика — в 8.40. Увы мне, дверь покоев босса оказалась банально заперта.

Но я совсем недолго скучала в одиночестве — почти сразу за мной явился Бакланов. Я немного удивилась, потому что в расписании Мамаева этого визита не было, но решила, что сегодня, наверное, день такой: не только у меня возникло желание нарушить строгий режим.

Фотохудожник-портретист был нервозен. Он перекладывал из руки в руку кожаную папку и сердито сопел. Мне лишь кивнул, разговор заводить не пожелал, ну и я тоже не стала утруждать себя реверансами.

Едва дверь, под которой мы с ним переминались, открылась, Бакланов ринулся внутрь, чуть не сбив с ног выходящую горничную.

— Осторожнее! — возмутилась она, в последний момент уклонившись от столкновения. И пожаловалась мне: — Какой невоспитанный тип!

— Зато, говорят, талантливый, — дипломатично ответила я, прикидывая, не ворваться ли мне в апартаменты на плечах штурмовавшего их Бакланова.

Можно ведь сделать вид, будто я пытаюсь остановить нарушителя порядка, и под этим предлогом вломиться за ним в кабинет. Мамаев там, наверное, как раз киот открывает, можно будет увидеть его таинственное содержимое.

— Кто это говорит? Екатерина Максимовна? — Горничная хмыкнула и плотно прикрыла дверь перед моим носом.

— Я слышала, супруга Аркадия Кирилловича разбирается в искусстве.

— Да уж, она такая разборчивая. — Горничная, покачивая головой, пошла по коридору.

Я задумчиво посмотрела ей вслед, а когда женщина свернула за угол, прижалась ухом к двери.

— Но это уже восемьдесят пятый вариант! — донесся до меня звенящий негодованием голос Бакланова.

— Да хоть сто восемьдесят пятый, — невозмутимо ответил Мамаев. И добавил еще что-то, чего я не расслышала.

В отличие от фотографа босс не орал.

Зато я услышала приближающийся топот и вовремя отпрыгнула от двери.

Бакланов, размахивая папкой, выскочил в коридор и помчался, буквально сверкая

пятками в звучно шлепающих резиновых тапках. Соблюдением дресс-кода художник не озаботился, явился на аудиенцию к заказчику в шортах и майке. Творческая личность, что с него возьмешь!

Хотя кое-что можно... На полу валялся белый лист, выпорхнувший из папки Бакланова.

Я подняла его, перевернула: это оказалась распечатанная на принтере фотография. Портрет эффектной дамы в летящих одеждах на фоне морского заката — Екатерины Максимовны Мамаевой.

Я пересняла его камерой мобильного, сложила лист и сунула его в сумочку, а сделанное фото переслала Зяме с вопросом: «Знаком с ней?»

Расписание Аркадия Кирилловича времяпрепровождение Екатерины Максимовны не регламентировало, и у меня сложилось впечатление, что супруги не всякий день видятся. Что до ночей, то у каждого из них была отдельная спальня в персональных апартаментах. Не знаю, как часто встречались сами «половинки», а я мадам Мамаеву видела всего раз или два.

Точно, два: перед самым отплытием и днем позже, за торжественным ужином, ког-

да все знакомились. Помнится, Аркадий Кириллович меня Екатерине Максимовне представил, а она закатила глаза, припоминая: «Индия Кузнецова, Индия Кузнецова... где-то я слышала...» — но не справилась с ранним склерозом и потеряла ко мне интерес.

Сейчас я сопоставила это со словами горничной о том, что любительница искусства Екатерина Максимовна «такая разборчивая», и возникло у меня одно нехорошее подозрение...

Зазвонил мой смартфон. Я посмотрела, кто меня вызывает. Хм, помяни черта...

— Ну прям Ника Самофракийская! — язвительно прокомментировал полученное фото Зяма. — Это и есть хваленый шедевр Баклана?

— Восемьдесят пятая попытка создать шедевр. Заказчик не спешит принять работу.

— Ха! Так Баклану и надо! — поразовался братец. — Будет знать, как зазнаваться раньше времени!

— Родной, а у тебя только творческая ревность? — вкрадчиво спросила я. — Скажи, насколько близко ты знаком с мадам Мамаевой?

— Что за вопрос, Дюха? — Зяма занервничал. — Ты знаешь, у меня было бурное

прошлое, но после свадьбы с Аллочкой я никогда...

— А до свадьбы, значит, у тебя с Мамаевой что-то было, — догадалась я.

— До свадьбы! — уточнил братец. — Она тогда еще не была Мамаевой. А почему ты вообще об этом спрашиваешь?

— Она как-то странно реагировала на мое имя. «Индия Кузнецова, Индия Кузнецова... где-то я это слышала...» — передразнила я пресловутую мадам.

— А! Наверняка я рассказывал ей о нашем дружном семействе, уже не помню сейчас, давно это было. — Зяма поторопился свернуть разговор.

Я посмотрела на часы на дисплее смартфона — до начала моего рабочего дня оставалось четыре минуты. Я решила ими пренебречь. Точность — вежливость королей, а я-то девушка простая: мама — писатель, папа — полковник в запасе. Брат в прошлом ловелас, каких еще поискать...

Звякнул смартфон.

«Аллочке не говори, она про Мамаеву не знает», — написал мне Зяма.

«Не скажу», — пообещала я в ответ и толкнула дверь покоев босса-миллиардера.

Опоздала: Аркадий Кириллович как раз закрывал створки деревянного киота. Даже не дал мне подсмотреть, где та кнопочка, нажатием которой таинственный шкафчик ставится под охрану! Едва я сунулась в кабинет, сразу скомандовал:

— Индия, закройте двери на веранду!

Я молча отступила, развернулась к гостиной, и уже в спину мне прилетело:

— И шторы! Велите им не шуметь, пожалуйста!

В гостиной было светло от утреннего солнца и пляшущих на потолке бликов от воды в бассейне. За стеклянной стеной на просторной террасе разворачивалась подготовка к фотосессии. Все шезлонги, кроме одного, были сдвинуты в сторону, а перед оставшимся парнишка-помощник Бакланова создавал композицию из одного софита и двух штативов — с фотокамерой и с белым зонтом. В углу под навесом на вынесенном из гостиной полумягком кресле восседала Екатерина Максимовна в белоснежном махровом халате, перед ней высилось большое зеркало, за ее спиной стояла Клавдия — личный стилист мадам.

Быстрым шагом из покоев Мамаевой на террасу с бассейном вышел Бакланов. Он не-

брежно швырнул свою папку на ближайший шезлонг, взмахом руки отогнал прочь Клаву, навис над мадам и начал что-то ей выговаривать. Та, сидевшая в расслабленной позе, напряглась, вздернула подбородок и возбужденно затрясла головой, отвечая фотографу.

Я толкнула дверь, выглянула на террасу и громко сказала:

— Всем доброго утра и творческих успехов! Аркадий Кириллович просит тишины, не шумите, пожалуйста!

— Ах, тишины он просит! — с готовностью развернулся ко мне Бакланов. — Покоя жаждет!

— Антон, — недобро зыркнув на меня, позвала Мамаева.

— Что — Антон? Что — Антон?! Я виноват, что ему все не нравится?!

— Закройте дверь, Инга, мы постараемся не шуметь, — холодно сказала мне мадам.

— Индия, — напомнила я и потянула дверь на себя.

Но еще успела услышать, как фотограф заорал:

— Какая пудра с блестками, с ума сошли?! У Катьки лицо будет в пятнах, как сито дырявое!

Я прикрыла дверь и задернула плотные шторы, полностью закрыв вид на террасу. В гостиной сделалось темно и тихо.

— Индия, давайте займемся почтой! — донеслось из кабинета.

В голосе Аркадия Кирилловича угадывалось легкое недовольство. Не мной, надеюсь? Я не опоздала, даже немного раньше пришла.

Успокоив себя, что босс, наверное, на психованного фотографа злится, я проследовала в кабинет.

Эх, жизнь несправедлива: кому в бассейн погружаться, а кому в рутину трудового дня...

В 20.30 я сдала вахту ночному секретарю Василию и отправилась в бар. Хотелось тоже немного приобщиться к празднику жизни.

В баре было шумно и весело. Я с порога огляделась, пренебрегла компанией нетрезвых молодых людей, приветствовавших мое появление одобрительным свистом и призывными взмахами рук, и предпочла присоединиться к группе товарищей по несчастью. За дальним столиком чинно соображали на троих мои временные коллеги из штата сотрудников супругов Мамаевых: личный врач Аркадия Кирилловича Рубен, стилист Екате-

рины Максимовны Клавдия и их общая горничная Лиза.

— Не помешаю? — спросила я, подходя.

— Как можно? Мы тут лечимся. — Рубен скользнул по кожаному диванчику, освобождая мне посадочное место. — Медициной установлено, что люди, употребляющие небольшие дозы алкоголя, меньше подвержены смерти от нарушений давления. А еще употребление спиртных напитков во многом предотвращает развитие желчнокаменной болезни! — Доктор набулькал мне в стакан граммов пятьдесят крепкой шотландской «микстуры».

— А вот от разлития желчи виски не спасает, — помотала головой Клава, уже заметно нетрезвая. — Бакланчик наш уже весь желтый от злости и горьким ядом сочится, будто дерево гончар.

— Анчар, — машинально поправила я и вопросительно посмотрела на заботливого доктора. — Рубен, а вы только за здоровье Аркадия Кирилловича отвечаете или мы все тут ваши пациенты?

— Какие пациенты, душенька, что вы? Я вижу на редкость здоровых, можно сказать, цветущих людей! — запротестовал доктор, снова хватаясь за бутылку. — Еще по пять-

десять? Исключительно в целях профилактики.

— Клавка, пошли танцевать! — Горничная, уже изрядно подлечившаяся, утащила стилистку на танцпол, и мы с Рубеном остались за столиком вдвоем.

— Индия, душенька, я вижу, нам нужно побеседовать. — Он заговорщицки склонился ко мне. — Мне кажется, вы неправильно трактуете мое присутствие на борту. Признайтесь, решили, что господин Мамаев слаб здоровьем и нуждается в постоянном врачебном присмотре?

Я немного смутилась.

Ну да, именно так я объяснила себе регулярные — дважды в день — визиты доктора к боссу.

— Ему за шестьдесят. И ведь здоровый человек не повез бы в круиз личного врача? — ответила я вопросом на вопрос.

— А я не личный врач Аркадия Кирилловича! — громким шепотом сообщил мне Рубен и радостно засмеялся.

«Кажется, коллеги приговорили на троих не одну бутылочку, — подумала я. — Вон, девушки на танцполе качаются, как рябинки на ветру, а доктор выдает мне свои секреты».

— Личный врач Мамаева, чтоб вы знали, профессор Арутюнян из краевой клинической, — просветил меня Рубен.

— А вы разве не Арутюнян? — не поняла я.

— Я Арутюнян! — Доктор энергично кивнул и приосанился. — Арутюнян, и еще какой! Но не профессор пока что, а только доцент. Профессор — мой дядя. Он мне и устроил эту замечательную шабашку! — Рубен раскинул руки и стал прищелкивать пальцами в такт музыке. — Вах, красота! Вах, хорошо! Два раза в сутки проведаль уважаемого пожилого человека, температуру ему измерил, давление, сахар, пульс посчитал — и гуляй, Рубенчик! Повезло, что дядя клинику оставить не может.

— Так вы, получается, тоже совсем недавно знакомы с Аркадием Кирилловичем? — удивилась я. — А я-то думала, он с персональным доктором не расстается, потому что неважно себя чувствует.

— Он чувствует себя важно! — Доцент Арутюнян опять засмеялся.

— Тогда не понимаю... Я ведь решила, что строгое расписание с обязательным присутствием какой-нибудь живой души поблизости — это мера безопасности, — призна-

лась я. — На случай, если боссу вдруг станет плохо.

— Вот! Именно об этом нам надо поговорить. — Доктор постарался сесть ровно и сделал строгое лицо. — С Аркадием Кирилловичем все в порядке, просто он очень мнительный. Бывают, знаете ли, люди, которые настолько дорожат своим здоровьем, что панически боятся малейшего ему ущерба и готовы при первом же чихе найти у себя пару-тройку смертельных болезней...

— От родильной горячки до воды в коленной чашечке, — пробормотала я, вспомнив любимого О'Генри.

— Да! Точно! — Доцент Арутюнян очень обрадовался моему пониманию. — И Аркадий Кириллович, насколько я могу судить, именно такой! А потому вы, милочка, ни в коем случае не должны укреплять его в разрушительных мыслях о собственном нездоровье!

— Да как я его в них укрепляю?!

— А так! — Рубен вытаращил и без того выпуклые глаза и щедро добавил во взор вековой скорби. — Вы смотрите на него так сочувственно и жалостливо! Как будто он умирающий!

— Так я же думала...

Я смешалась.

— А вы не думайте, милочка. — Доцент похлопал меня по руке. — Наслаждайтесь жизнью. Этим прекрасным моментом! Когда еще доведется вот так, на просторах Средиземноморья и Адриатики, под звездным небом сладостного юга, да в прекрасной компании! — И он потянул мою руку к своим густым усам, явно намереваясь ее облобызать.

Я высвободила руку и погрозила доктору пальцем:

— Не нужно ко мне клеиться! У меня жених есть.

— А у меня вообще жена! — отмахнулся веселый эскулап. — Но кого и когда это останавливало, да?

Он подмигнул мне, но я решила не продолжать тет-а-тет, встала из-за столика и, сообщив, что должна попудрить носик, ретировалась в дамскую комнату.

Когда вышла из нее, увидела, что доктор samozабвенно отплясывает с Клавой и Лизой, а за столиком сидит нахохленный и угрюмый Бакланов. Подойдя за оставленным на стуле жакетом, я заметила, что фотохудожник то-

же сильно нетрезв, но, в отличие от доктора и барышень, совсем не весел.

При моем появлении он поднял голову, скользнул по мне расфокусированным взглядом и пробормотал что-то вроде «восемьдесят шесть коту под хвост».

Я не стала уточнять, что имелось в виду — явно не ректальные термометры, — молча взяла свой жакет и ушла.

Уже на подходе к своей каюте встретила в коридоре с красивой, как кукла, мадам Мамаевой.

— Инна...

— Индия. — Я остановилась, вежливо давая мадам возможность закончить начатую фразу.

— Конечно, Индия. — Екатерина Максимовна выглядела безупречно, но была чем-то сильно озабочена. Гладкий белый лоб прорезала горизонтальная морщинка. — Вы не видели Антона?

— Видела и Антона, и Рубена, и Лизу, и Клавдию в баре на третьей палубе, — не скрыла я.

— И что они все там делали? — поморщилась мадам.

— Думаю, спаивали коллектив.

— Спаяли?

— Спойли. — Я открыла свою дверь ключ-картой и шагнула в каюту. — Спокойной ночи, Екатерина Максимовна!

В ответ в коридоре раздался негромкий звук удара. Мне показалось или изысканная мадам бухнула в стену кулачком?

Вот кому не помешало бы принять микстуру от нервов.

Наутро я пробудилась раньше обычного, но вовсе не потому, что выпалась. На рассвете «Аркадия» вошла в порт, и этот процесс сопровождался сложносоставным шумом: менялся звук работы двигателей, слышались гудки, что-то гремело, стучало, кто-то бегал, топал, слышны были возгласы и целые тирады на русском и греческом.

Я села в своей узкой, но вполне удобной кровати, посмотрела в окно-иллюминатор на крутой берег, сплошь облепленный, как птичьими гнездами, кубиками белых, розовых и голубых домиков, и вздохнула. Не доведется мне погулять по прекрасному острову, опять придется сидеть в четырех стенах со старичком-миллионером! Прямо новая версия старой сказки «Василиса и Кощей».

Для полноты сходства с Василисой я старательно заплела косу, умылась, оделась

и направилась в чертог Кощея Кирилловича. Думала, приду пораньше, раз все равно уже не сплю, авось повезет увидеть содержимое киота.

Очень уж оно интриговало меня. Я перед сном даже поиск в Интернете учинила, пытаюсь выяснить, какие такие бессмертные произведения искусства поменяли владельцев за последние полгода.

Приблизительно определиться со сроком мне помог Зяма. Братца тоже очень интересовал шедевр в киоте (неуемное любопытство — наша семейная черта), и поздно вечером, когда я уже вернулась из бара, он позвонил мне, чтобы узнать, не разгадала ли я эту тайну. Проболтался, что с бывшей своей подругой, нынешней супругой Мамаева, до сих пор эпизодически общается, но уже бесконтактно, в режиме, который англичане называют small-talk — «короткая беседа», разговор «ни о чём». Таковой, как известно, имеет огромное значение в культурах англоговорящих стран, но практикуется и в нашем светском обществе. А Зяма, модный и дорогой дизайнер, вхож в соответствующие круги.

— На Рождество виделись у губернатора на балу, танцевали с ней даже, и Кэт ни пол-

слова мне про этот шедевр не сказала! — возмущался братец.

— А должна была? — не поняла я. — Кто ты ей, чтобы откровенничать?

— Да при чем тут откровенность? Как можно — таким приобретением не похвалиться? — удивился Зяма. — Должно быть, Кэт тогда просто не знала о нем, Мамаев купил шедевр недавно. Или сделал это втихомолку. Тайно приобрел и заныкал.

— В смысле — заныкал? Спрятал в киот?

— Заныкал — в смысле, жене ничего не сказал. А, ты же не знаешь! — Братец оживился. — Кэт очень повезло оказаться в нужном месте, я имею в виду замужем за нашим миллиардером, в нужное время. Мамаев, чтобы под санкции не попасть, кучу добра на жену переписал, так что она и сама теперь дамочка очень состоятельная. Может не беспокоиться о своем будущем и заодно не бояться, что какая-нибудь новая красотка у нее богатого мужа уведет. Мамаев с ней теперь не расстанется, иначе ему и с заводами-газетами-пароходами попрощаться придется.

— А шедевр? — Я вернулась к теме.

— Что шедевр?

— Его не придется делить, если их брак распадется?

— Не распадется, — уверенно сказал Зяма. — Мамаев этого не допустит. Во всяком случае, пока не сможет все активы обратно на себя переписать, а нынешняя ситуация, сама знаешь, к этому не располагает.

Закончив разговор с братом, я поискала в открытых источниках информацию о картинах, проданных на аукционах за последние полгода-год. Узнала, что в минувшем году общая стоимость произведений искусства, реализованных аукционными домами Christie's, Sotheby's и Phillips, достигла почти 18 миллиардов долларов, что стало рекордным показателем для всего арт-рынка. Ознакомилась с топ-10 самых дорогих картин, ушедших с молотка в интересующий меня период, но решила, что у Мамаева в киоте что-то другое — не из этого списка. Там все-таки очень дорогие полотна были: за занявший первое место в рейтинге портрет Мэрилин Монро работы Энди Уорхола заплатили рекордные 195 миллионов долларов! Мамаев не настолько богат, тем более теперь, после того как переписал свои активы на супругу.

Я сменила язык поиска на английский и без особого труда нашла специализированный сайт с базами данных аукционных результатов. Там не было информации о покупателях,

зато указывались жанровая принадлежность полотен и их размеры.

Я вспомнила габариты киота — довольно небольшого и почти плоского, и рассудила, что картина маслом в подобающей раме туда точно не влезла бы. Отфильтровала произведения по технике исполнения и размерам, а потом, вспомнив Зямины комментарии во время пробежки по судну, сделала выборку по поисковым запросам «экспрессионизм» и «модерн».

Оказалось, в интересующий меня период с молотка не особенно дорого ушли две акварели Эгона Шиле, один из набросков к известному портрету работы Густава Климта, гравюра Василия Кандинского и рисунок Макса Бекмана, сделанный в самом обыкновенном блокноте «на пружинке». Не супершедевры, уж точно не «Мона Лиза».

Несколько успокоившись, я легла спать.

А утром, выйдя из своей каюты, неожиданно попала в плотный встречный поток: по коридору на выход нестройной толпой шли люди, причем знакомые.

Зевающая в ладошку Екатерина Максимовна меня то ли не узнала, то ли даже не заметила, — обошла, не удостоив внимания, как столб.

Следующая за ней Клавдия зыркнула недружелюбно, проворчала:

— Тебе-то чего не спится? — и прошла дальше, не дожидаясь ответа.

Я не обиделась: по зеленоватому и помятому лицу стилиста было видно, что ей не очень хорошо после вчерашнего. В таком состоянии нужно в постели лежать и рассол пить, а не гулять по горам и долам. Хотя Клава, судя по всему, не на променад собралась, а на работу: в одной руке у нее был чемоданчик, раскладывающийся, как я знала, в подобие туалетного столика с зеркалом, в другой — сразу несколько вешалок с нарядами в чехлах.

За Клавой шел еще более нагруженный Дима, ассистент Бакланова. На плече у него на манер коромысла в неустойчивом равновесии помещался сложенный штатив, надетая поверх футболки разгрузочная операторская жилетка топорщилась набитыми карманами, через грудь висел профессиональный фотоаппарат на ремне, даже на голове была камера GoPro. Поблескивающая на лбу линза придавала молодому человеку сходство с циклопом. Я подумала, что это хорошо сочетается с греческим островом, и хихикнула.

— Ну хоть кому-то весело. — Парень встрепенулся, отреагировав на мой смешок. — Привет!

— Привет, вы на берег? — Я посторонилась, чтобы дать Диме с его штативом больше места.

— На натуре, чтоб ее! — со вздохом провозгласил он и оглянулся, отчего штатив опасно поехал по кругу, едва не задев меня по уху.

— Не тормози, — буркнул шествующий замыкающим Бакланов.

Вид у него был помятый, настроение явно пасмурное. В руке полуторалитровая бутылка минералки, на плече сумка для ноутбука.

Привычно не удостоив меня приветствиями, фотограф бутылку подпихнул в спину замешкавшегося ассистента и погнал жертв искусства дальше.

Я проводила их взглядом до поворота коридора, пожала плечами и пошла себе дальше.

У Мамаева как раз был доктор. Едва войдя, я услышала его голос:

— ...состояние внушает беспокойство, — и несколько напряглась.

Вчера доцент Арутюнян уверял меня, что с боссом все в порядке!

Не то чтобы я сильно тревожилась за Аркадия Кирилловича — кто он мне? Всего-навсего работодатель, никаких иных отношений, кроме трудовых, у нас нет. Узнать его как человека я еще не успела, проникнуться симпатией не смогла. Мое беспокойство объяснялось исключительно тем, что уж очень мне не хотелось оказаться в ситуации, когда придется самолично оказывать боссу экстренную медицинскую помощь. Сестра милосердия из меня еще та, я разве что ссадину зеленкой залить в состоянии, но вряд ли Мамаеву потребуется лечить разбитые коленки.

— И что вы предлагаете? — как обычно, негромко и спокойно спросил босс.

— Есть прекрасные препараты с успокаивающим действием, полностью натуральные лекарства, способные справиться со стрессом...

— А как же тонкость восприятия? Разве оголенные нервы — не обязательное условие творчества?

Это было похоже не на консилиум, а на абстрактную дискуссию. Я успокоилась.

Мамаев и Арутюнян беседовали в кабинете. Надо как-то сообщить о моем приходе, чтобы не получилось, что я невежливо подслушиваю, — я погромче хлопнула дверью.

Из кабинета выглянул доктор.

— Душенька, что вы так рано? Не спитесь? Бессонница? А есть прекрасные препараты...

— Индия, сделайте нам кофе, — не показавшись и не поздоровавшись, распорядился Мамаев. — Мне как обычно.

— А мне капучино с двойным кокосовым сиропом. — Арутюнян улыбнулся и снова скрылся за дверью.

Я прошла в зону кухни и включила кофемашину. Приготовила кофе по-венски для босса, капучино для доктора и американо для себя. Отнесла им в кабинет чашки, воду, сахарницу и вазочку с курабье на подносе, вернулась в кухонный закуток и выпила свой кофе с печеньем.

День обещал быть долгим, имело смысл подкрепиться.

Ушел доктор, явилась горничная. Что значит молодость: по Лизе вовсе не было видно, что вчера она злоупотребляла алкоголем. Мое присутствие на рабочем месте ее удивило, но не сильно. Мне показалось, что девушке хотелось поболтать с кем-то близким ей по возрасту и статусу. Что ни говори, а секретарь в табели о рангах не намного выше горничной.

— Наши-то на остров отправились. — Ловко протирая и без того чистое стекло большого панорамного окна, Лиза подбородком указала на берег. — Эх, красота-то какая! Может, на этот раз Антон не оплошает.

— В каком смысле?

— Ой, а ты что подумала? — Девушка покраснела. — Я про портрет Екатерины Максимовны, разумеется. Все же знают, что уже срок подходит, Антону скоро работу сдавать, а у него никак не получается угодить Аркадию Кирилловичу.

— Видимо, у них разные представления о прекрасном, — философски заметила я.

— Да ладно, разные! — Лиза засмеялась, потом ойкнула и хлопнула себя ладошкой по губам.

Эта пантомима меня заинтересовала. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, на что намекала горничная — и сейчас, утверждая, что вкусы у Мамаева и Бакланова одинаковые, и раньше, когда съязвила на счет разборчивости нашей мадам. Зная, что у Екатерины Максимовны была интрижка с Зямой, я могла предположить, что супруга босса питает слабость к молодым талантливым художникам, и с Антоном они не только творческим проектом занимаются. Это, кста-

ти, объясняло и супервыгодный заказ, полученный Баклановым от Мамаева: наверняка мадам подсуетилась, уговорила мужа облагодетельствовать возлюбленного фотографа.

Странно только, что Аркадий Кириллович на это согласился. Он не производит впечатления тугодума, неспособного сложить два и два.

Хотя что я знаю о взаимоотношениях супругов Мамаевых? Может, Екатерина Максимовна держит благоверного за горло? Это же она теперь владелица заводов, газет, пароходов, а Мамаеву в его положении не позавидуешь. Даже зная, что у него растут и ветвятся рога, бедняга должен делать хорошую мину при плохой игре.

Лиза закончила уборку и ушла. Аркадий Кириллович с четверть часа пребывал в кабинете в одиночестве, — я изнывала от недостойного желания хотя бы в замочную скважину заглянуть, — потом позвал меня, и мы сели разбирать почту.

Доставили завтрак. Боссу чинно-благородно накрыли в столовой, мне, как обычно, вручили ланчбокс, и я с аппетитом уплела его содержимое на кухне. Жить стало лучше, жить стало веселей. До обеда я писала ответы на те письма, которые Мамаев счел достой-

ными отклика, согласовывала с боссом тексты, отправляла их адресатам. После обеда Аркадий Кириллович удалился на заслуженный послеполуденный отдых, а я осталась в кабинете. До конца дня мне предстояло разобрать стопку накопившихся распечаток и факсов: просмотреть их, рассортировать, разложить по папкам.

Неожиданно один из документов, пришедших по электронной почте, меня заинтересовал. Это был договор подряда, заключенный Мамаевым с Баклановым, с комментариями адвоката Аркадия Кирилловича. Мелкими буквами, убористым почерком юрист на полях пояснял отдельные пункты договора. Изучив сам текст и пометки к нему, я поняла, что Зяма совершенно напрасно завидовал Бакланову. Договор только выглядел супервыгодным, на самом деле он был кабальным.

Очевидно, фотограф так прельстился несусветной суммой обещанного ему гонорара, что даже не дал себе труда как следует ознакомиться с условиями договора, а они были жесткими. В случае невыполнения взятых на себя обязательств по созданию «высокохудожественного оригинального произведения — фотопортрета Е. М. Мамаевой» Бакла-

нов должен был вернуть полученный аванс (сто тысяч рублей) и возместить затраты на приобретение оборудования, реквизита, костюмов, оплату работы нанятого персонала и прочие накладные расходы, включая стоимость круиза для трех человек — самого фотографа, его ассистента и приглашенного стилиста. Я прикинула, на какую сумму Антон попадет, если не выполнит работу, и, не удержавшись, присвистнула. Пойдет наш фотохудожник-портретист по миру голым! Прямо из Греции, пешочком и даже без узелка с пожитками на палочке: до крайнего срока осталось меньше недели!

Даже Зяма, услышав об этом, посочувствовал Антону:

— Да-а, влип Баклан, как кур в ошип! Он что же, не оговорил в договоре количество вариантов? Обычно это три-пять, с таким гонораром, ладно, можно десять сделать, но не ваять же до бесконечности! Клиенты, знаешь, не всегда вменяемые бывают, у некоторых такие элитные тараканы в голове, что им никак не угодишь. Тем более речь о произведении искусства, а уж тут на вкус и цвет похожих нет.

— Кому и горький хрен малина, а нам и бланманже полынь, — поддакнула я сло-

вами Козьмы Пруtkова. — У нас уже тут все в курсе, что Мамаев капризничает, никак работу не принимает, а Бакланов нервничает и из себя выходит.

— Да? Ты тогда на всякий случай подальше от него держись, от Баклана-то, — встревожился братец. — Антоша — он же психованный! И разораться может, и швырнуть чем-нибудь тяжелым. По слухам, однажды чуть под суд не пошел — избил натурщицу, как-то не так она ему, видите ли, позировала, мешала гениальный творческий замысел воплотить. Хорошо, девчонка стоворчивая оказалась, взяла отступные, забрала заявление, а то снимал бы наш Баклан портреты эков и пейзажи лесоповалов.

После ужина я откровенно бездельничала и скучала. Листала книжки из библиотеки Аркадия Кирилловича, дожидаясь, пока истечет срок моей вахты, и с радостью встретила появление сменщика.

Он явился сияющий, точно греческое солнышко, и не с пустыми руками — принес свежую, еще пахнущую химией фотографию. На острове был, поняла я, завидуя.

— Вот. — Вася торжественно фото вручил боссу. — Наш талантливый друг представляет на ваш суд свое очередное произведение.